

© 2020 г.

И.Б. ОРЛОВА

## АКТОРНО-СЕТЕВАЯ ТЕОРИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

---

ОРЛОВА Ирина Борисовна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой Высшей школы современных социальных наук (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (irorlova@mail.ru).

---

**Аннотация.** В статье рассматриваются отдельные аспекты акторно-сетевой теории (АСТ), прежде всего, реконцептуализация социальности, сопровождающаяся понятием «сборки». Социальность «собирается» в результате взаимодействия людей и «не-людей», вещей, материальных предметов, технологий, которые трактуются в качестве акторов. Анализируется устранение оппозиций «человек – не-человек», «живое – неживое», являющееся особенностью предлагаемой АСТ новой методологии социальных исследований. Поворот к материальному, или «латуровская революция», оценивается в статье как установка на изменение онтологического представления о социальном мире и месте в нем человека, приравненного к «нечеловеческим» объектам, артефактам, технологическим изобретениям. Теоретические положения акторно-сетевой теории переносятся в актуальную практику формирующейся новой цифровой реальности, где абсолютизируются технологии и понижается статус человека как активного творческого деятеля. В технологизированном мире взаимоотношения людей и вещей принципиально меняются. Вещи начинают действовать, они решают все большее количество задач, которые ранее решал человек. Форсирование внедрения технологий в перспективе делает его бесполезным и экономически нерентабельным. В статье оцениваются последствия формирующейся тенденции изменения отношения к социальному миру: переход от антропоцентризма к техноцентризму.

**Ключевые слова:** акторно-сетевая теория • пересборка социального • устранение оппозиции «человек – не-человек» • техноцентризм • социальная практика

DOI: 10.31857/S013216250009372-2

Акторно-сетевая теория (Actor-Network Theory – ANT) – одно из направлений в современных социальных науках, вызывающее неутихающие споры. Это направление начало формироваться в 1980-е гг. в рамках междисциплинарного «исследования науки и технологии» (Science and Technology Studies, STS). Сам термин «акторно-сетевая теория» (АСТ) появляется в 1990-е гг. В течение последующего периода направление развивается: уточняется и меняется его терминология, конкретизируются концептуальные положения. Наряду с его главными авторами – Бруно Латуром, Мишелем Каллоном и Джоном Ло – появляются новые адепты и критики, сторонники и противники. Поскольку основная роль в построении теории принадлежит Б. Латуру, именно его тексты будут в центре нашего внимания.

Начальной методологической базой, на которой строил свою теорию Б. Латур, были исследования Парижской семиотической школы и, в частности, труды А. Греймаса. В дальнейшем семиотика, сохраняя свое влияние, была значительно радикализована авторами АСТ. Другим методологическим источником стали идеи Ж. Делеза, Г. Гарфинкеля, повлиявшие на Б. Латуру сформулировать так называемую «общую теорию относительности»

для социальных наук – «ирредукционизм». Суть его состоит в том, что социальный ученый, подходя к исследованию какого-либо явления или процесса, не должен изначально отталкиваться от общепринятых априорных оппозиций: человеческое – нечеловеческое, живое – неживое, природное – культурное, факты – артефакты и др. Исследователь не должен оценивать утверждения и практики акторов в зависимости от традиционных устоявшихся схем, закрепившихся в его собственной голове. Эти оппозиции, различения, группировки, схемы должны явиться *предметом* и *результатом* эмпирического исследования, а не быть изначальной отправной точкой в социальных науках.

Прежде всего Латур рекомендует избавляться от сковывающей мышление оппозиции «микро» и «макро», что, по его мнению, очень важно для социальной теории. Он ссылается на научные связи, которые дают наиболее яркие примеры того, как незначительные инновации могут в итоге стать макрохарактеристиками целого мира [Латур, 2014: 172].

Избавиться нужно не только от разграничения между «микро» и «макро», но и между *социальным* и *природным*. Б. Латур призывает не замыкать свое мышление, рассуждая о том, в какой форме прежние объекты природы могли бы представить себя в новых ассоциациях. Нужно только снять «искусственную границу» между социальным и природным, и тогда не-человеческие реалии окажутся способными явить себя в неожиданном качестве в сети ассоциаций.

Лишней является и оппозиция человеческое – нечеловеческое. При этом подчеркивается активная роль «не-человеков». (За неимением лучшего такое определение употребляется автором.) Именно акцент на «не-человеках» обусловил формирование так называемого «поворота к материальному» в социальных исследованиях, произошедшего благодаря работам Б. Латура и Дж. Ло. Их последователи назвали поворот к материальному «латуровской революцией», обоснованием новой онтологии социального мира, в котором устранены границы между людьми и не-человеками, микро- и макромиром, вещами и идеями. При этом материальным объектам отводится не просто роль пассивного встроенного участника взаимодействий. Материальные объекты определяют упорядоченность взаимодействия, и только с их участием возникает то, что в акторно-сетевой теории (АСТ) считается *социальным взаимодействием*.

Важно подчеркнуть, что АСТ – это не столько устоявшаяся теория в строгом значении этого слова, сколько длящийся уже четвертое десятилетие проект. Постоянно пересматриваются не только терминология, но и базовые положения. АСТ никогда не была единой стройной теорией, всегда существовали расхождения как между разными авторами, работающими в общем концептуальном поле, так и внутри текстов одного автора. Адепты проекта считают, что его цель – призвать к обновлению социологии, к обогащению ее инструментария, к расширению ее границ при сохранении научности. Кроме того, проект мотивирует ученых на то, чтобы раздвинуть методологические и методические рамки социальных наук, применить базовые категории модерна в качестве объекта познания, дополнив их такими категориями, как ассоциации, сеть, динамика, метаморфозы, репродукция, препозиция.

**Призыв начать все сначала и все «пересобрать».** В разделе «Делаем объекты участниками действий» Б. Латур объясняет, что «любая вещь» является актором, если она вносит какое-нибудь изменение в ход действия какого-то другого агента. При этом, сразу оговаривается Латур, такой интерес к объекту не имеет ничего общего с предпочтением «объективной» материи «субъективным» языку, символам, ценностям или чувствам [Латур, 2014: 71].

Цитируем: «Вещи могут не только “детерминировать” или служить “фоном человеческого действия”, но еще и допускать, позволять, предоставлять, способствовать, разрешать, предлагать, влиять, мешать, делать возможным, препятствовать и т.д. АСТ – не пустопорожнее утверждение, что объекты делают все “вместо” человеческих акторов. Она просто утверждает, что изучение социального не может даже начаться, если сначала не будет

тщательно проработан вопрос, кто и что участвует в действии, пусть даже это означает допущение туда тех элементов, которые, за отсутствием лучшего термина, мы будем называть не-человеками» [Латур, 2014: 67].

Первыми «не-человеками» и объектами, «ранее считавшимися не-социальными», которые были включены в фабулу АСТ и признаны акторами в цепочках ассоциации, стали микробы, морские гребешки и рифы. Об этом мы читаем у М. Каллона, соратника Б. Латура [Каллон, 2015], где автор доказывает, что вообще не существуют никакие фиксированные группы. Есть только временные альянсы между разными сущностями: человеческими и нечеловеческими, например между рыбаками и морскими гребешками. Все акторы могут вступать в ассоциации, заставляя других действовать тем или иным образом. При этом социальное, по утверждению авторов АСТ, не находится ни в каком конкретном месте как вещь среди других вещей, – но оно может циркулировать повсюду как движение, связывающее не-социальные вещи.

Материальные объекты у Латура различаются на посредников и проводников. Проводник неизменен, у него, что на входе, то и на выходе. В отличие от него – посредник трансформирует сигнал. Из-за действий самого посредника, из-за внешних помех нельзя точно знать, что будет на выходе. Связанный ряд действий, каждый участник которых является полноценным посредником, образует «сеть». Сеть в АСТ – «понятие, а не вещь. Это инструмент, помогающий в описании чего-то другого, а не предмет описания» [Латур, 2014: 126]. Актор, если он стимулирует или инициирует какое-либо действие, это актер-сеть. С его помощью «вы можете описать что-то такое, что совсем не выглядит как сеть: это может быть индивидуальное состояние души, элемент оборудования, литературный персонаж; и наоборот, вы можете описать какую-то сеть – метрополитен, канализацию, телефонную сеть, – которые вовсе не нарисованы в акторно-сетевой манере» [там же: 136]. «Следуйте за актерами», – призывает Латур. Любой объект (не только человек) может быть актором, дающим нам важную информацию. Вот на этом ключевом моменте мы и остановимся подробнее, а именно, **на наделии неживых объектов, «не-человеков» статусом акторов**, на приписывании агентности технологическим объектам.

Латур приводит ряд примеров, когда активность не-человеческих объектов легко наблюдаема. Одна из ситуаций – «это несчастные случаи, поломки и заботовки, происшествия. Даже объекты, за минуту до этого казавшиеся абсолютно автоматическими, автономными и отделенными от человеческих агентов, теперь превращаются в толпы неукротимо идущих на вас людей с тяжелой арматурой. Видевшие, как космический корабль “Коламбия Шаттл” из сложнейшего человеческого инструмента вдруг превратился в ливень обломков, летящих на Техас, поймут, как быстро объекты переключаются из одного модуса существования в другой» [там же: 75–76].

Латур оценивает как бесперспективное традиционное представление о социальном взаимодействии, как он выражается, «лицом к лицу» между людьми. Само слово «взаимодействии» тут ни при чем, полагает автор, просто количество и особенности «действий», размах и взаимные наложения обычно сильно недооцениваются. Он призывает «растянуть» любое конкретное взаимодействие, и оно с большой вероятностью превратится в актер-сеть. Как растянуть? Для этого нужно увидеть все множество связей между отдаленными актерами. «Если бы мы захотели нанести на обычную географическую карту связи, установленные нами между лекционной аудиторией и всеми местами, действующими в ней одновременно, нам пришлось бы изобразить целый куст стрелок, чтобы включить сюда, например, лес, из которого сделана кафедра, деканат, ответственный за планирование занятий, секретарскую, где печатали расписание, ... служителя, следящего за помещением, и так далее и тому подобное» [там же: 191].

Латур продолжает: «В каждом конкретном взаимодействии потрясает вовсе не то, что находят социологи во взаимодействиях лицом-к-лицу, а толпа не-человеческих, не-субъективных, не-локальных участников, собравшихся, чтобы помочь совершить действие и

передать его по каналам, которые непохожи на социальную связь, хотя и связаны друг с другом» [там же: 193].

В итоге автор АСТ призывает социальных ученых «начать все сначала», переосмыслить «социальное взаимодействие» и рассматривать его как ассоциации, проходящие через множество не-социальных реалий [там же: 236].

**«Вещи говорят», что это дает исследователю?** Интеллектуальные игры, связанные с «поворотом к материальному», вероятно, вполне оправданны. Они отражают естественное стремление найти что-то новое в методологии социальных исследований. В социологии уже был «лингвистический поворот», «поворот к практике». Почему бы не быть и «повороту к материальному»? Вероятно, установки акторно-сетевой теории ориентируют ученых на поиск новых нестандартных подходов к исследованию, на то, чтобы не концептуализировать априорно увиденное явление и помещать его на заготовленную «методологическую полку», а раздвинуть его рамки, дополнить всеми, даже кажущимися незначительными, объектами и предметами, которые могут повлиять на результат исследования. Кроме того, читать свидетельства брожения умов всегда интересно.

Но при этом нужно принимать во внимание, что поворот к чему-либо означает одновременно и поворот от чего-то. В нашем случае это поворот от классических методологических постулатов социологии, классических представлений об обществе, социальном взаимодействии и вещном мире. Поиски новых способов проблематизации вещи – это отход от зиммелевской трактовки социальной логики вещей, при которой социальное содержание самозаконно, материальная форма – нет. Это отход от установки Хайдеггера, предупреждающего от переосмысления вещи социального мира и призывающего «относиться к вещи как к вещи».

Еще раз подчеркнем, что принципиально важно в АСТ устранение дихотомии и оппозиции: микро-макро, живое-неживое, субъект-объект и др. Но в реальности отказ от субъект-объектной дихотомии нечем заменить. Как связать эти метафизические рассуждения с культурной, исторической и повседневной реальностью? Не думается, что избавление от дихотомии расширяет наши возможности понимания процессов в окружающем мире.

У Латура, Каллона и Ло помимо стертой границы между человеческим и не-человеческим в принципе отсутствует какой бы то ни было гуманистический дискурс, вообще отсутствует концепция человека. Нет и намек на акцентирование культурных различий, способностей человека [Sismondo, 2004]. Человек как социальный актер традиционной социальной теории не входит в повестку АСТ. Напротив, все внимание обращено на *не-человеческие сущности, которым делегирована агентность*. Они признаны субъектами, обуславливающими или участвующими в социальном действии.

Есть и более радикальный вариант трактовки АСТ. Делегирование агентности не-человеческим сущностям и их роль в конституировании общего мира рассматривается в контексте либеральной эмансипаторской риторики [Астахов, 2016: 9]. Идеалы равенства распространены здесь на не-человеков как коллективных агентов, для которых требуется делегирование демократического представительства. И социальный порядок при этом рассматривается как непосредственно зависящий от встроенных в него не-человеков – в том числе технологических артефактов. Такая логика приводит к совсем уже абсурдному выводу: отказывать кому-либо в правах – будь то всякого рода меньшинства или не-человеки – значит ставить под сомнение демократические ценности. Следовательно, права репрезентации необходимо предоставить любым сущностям.

Неясна также и трактовка сетей (цепей) акторов или ассоциаций. Где провести ее границу? Где ее можно «обрезать», не продлевая до бесконечности. И как это аргументировать? Например, не понятно, как ограничить «растянутую» цепь в уже приведенном латуровском примере о лекционной аудитории, лесе, деканате, расписании и т.д. Сеть (цепь) акторов как раз важно зафиксировать, поскольку, по Латуру, именно с ней связано то, что он называет «обществом». Пересобранное общество, согласно АСТ, это сеть, состоящая из взаимодействующих между собой людей и не-человеков. Таким образом, призыв начать

все сначала относится и к определению понятия «общество». (У него есть фраза: «Общества нет, или, вернее, общество – имя не всей территории») [Латур, 2014: 235].

Латуровское общество есть объединение, агломерация встроенных друг в друга человека и предметов. Это ансамбль людей и специальных технологических устройств, влияющих, изменяющих, помогающих, облегчающих, модифицирующих человеческую деятельность. В техническое устройство закладывается определенная программа, которая обуславливает деятельность людей. Латур приводит в пример устройство, страхующее ребенка в кресле автомобиля, которому передается функция или компетенция взрослого человека по удержанию младенца. Выстраивается цепочка: вещи делают предзаданное им действие, заставляя человека действовать тем или иным образом. Автор формулирует это так: *faire c'est faire faire* («делать – это заставлять делать»). Вещи действуют, потому что действуют не только они. Действие течет по цепи акторов, словно ток по проводам, дислоцируясь и приобретая распределенный характер. Из этого сделан далеко идущий вывод о том, что технологии являются необходимым и обязательным условием существования человеческого общества, и если этот элемент изъять, то общество рухнет [Напреенко, 2015: 112].

Латур приводит ряд других примеров «ассамбляжа» людей и объектов, когда люди заставляют вещи делать что-либо, а вещи, в свою очередь, заставляют людей пользоваться ими. Один из них: человек и пистолет в его руках. Человек уже не безоружный, а пистолет уже не просто нейтральный предмет. Следующий пример: работа пользователя на компьютере, которую Латур сравнивает с «черным ящиком», когда человек использует предложенные технологиями возможности, не задумываясь над тем, как это все устроено. Он не видит всей цепочки финансовых, организационных, технических ресурсов, работающих «за кадром» любого простого действия на компьютере или смартфоне. Для приведенных примеров автором употребляются такие определения, как «социотехнологический коллектив», «корпоративное тело», «социомеханический ансамбль».

**Конец антропоцентричного мира.** Методологические изыски Б. Латура и других авторов, обозначивших «поворот к материальному», развиты в рамках социологии повседневности, социологии вещей. Их объединяет признание того, что «объекты действуют», «вещи говорят». Материальные объекты выступают в роли объединителя (стол на торжественном приеме) и организатора порядка взаимодействия (эстафетная палочка); в сигнальной и коммуникативной ролях (мяч в игре объединяет действия игроков и одновременно фреймирует их взаимодействие, как, например, «игра в футбол»). Делается вывод о том, что материальные объекты обозначают, придают определенный порядок, поддерживают и иногда трансформируют социальное взаимодействие.

Важно, что при этом *не-человеки, приобретая статус актора, повышаются в своем статусе, а люди, значение которых во взаимодействии приравнено к иным нечеловеческим объектам, в своем статусе понижаются*. Значение и тех, и других в цепи взаимодействий трактуется как равное; долженствование и взаимное принуждение к действию обеспечивает устойчивость цепи гетерогенных акторов. Следовательно, происходит антропоморфизация техники и одновременно кибернетизация людей [Напреенко, 2015: 119].

Главное и остающееся константным при всех прочих модификациях акторно-сетевой теории – это **изменение онтологического представления о социальном мире, который перестает быть антропоцентричным**. Человек более не центр Вселенной. В качестве самостоятельных и равнозначных признается множество миров, в том числе нечеловеческих: материальные предметы, артефакты, животные, технологические изобретения. Реконцептуализируется и социальность, сопровождающаяся понятием «сборки»: социальность собирается в результате взаимодействия людей и не-людей, вещей, материальных предметов, технологий, получивших одинаковый статус акторов.

Латуру свойственна эпатажная манера изложения мыслей. Так, он заявляет: «Я начну с тезиса о том, что есть четыре элемента, не работающих в акторно-сетевой теории; слово “актор”, слово “сеть”, слово “теория” и дефис!» [Латур, 2017: 201]. Он периодически «убеждает» читателя в неприменимости ни к чему собственной теории. Вероятно, это

можно рассматривать как особый пиар-ход, возбуждающий интерес, особенно у молодых исследователей, у студентов, которые спрашивают: «А что же там такого? Как это, “общества нет”?» Студентам, и я тому свидетель, всегда хочется чего-нибудь новенького, хочется развенчать устоявшиеся концепции, все «пересобрать» или еще более радикально: все накопленное выбросить и начать сначала.

Поддерживаемая живая реакция – дополнительная причина того, что проект АСТ не умирает, что к нему подогревается интерес, о нем говорят, пишут, критикуют. Это мотивирует его авторов развивать и переосмысливать собственные концептуальные положения. Акторно-сетевая теория 1990-х и 2020-х гг. во многом отличается. Авторы меняют или уточняют терминологию, корректируют базовый концептуальный аппарат. Джон Ло предложил в ответ на критику понятия «сети» применять понятие «потока» (fluid) как системы отношений, существующих благодаря изменениям. Он оправдывал неустойчивость терминологического аппарата беспорядочностью и изменчивостью социального мира, требующего столь же изменчивой методологии.

Заметные недавние изменения связаны с новой латуровской концепцией «Исследование способов существования» (An Inquiry into Modes of Existence, AIME). Если в ранних работах предметом рассмотрения АСТ не были отдельные сферы: политика, религия, искусство и другие, то теперь эти сферы онтологизируются и исследуются как особые модусы или способы существования. Новые направления в АСТ последних лет продолжают изменять облик социальной теории, но наибольшее влияние остается все-таки за работами раннего периода. К идее действующих вещей добавилось нововведение: идея распределенной агентности.

Итак, в АСТ социальное пересобрано и переопределено. Социальным действием считается распределенное в сети отношений действие между людьми и не-людьми. Подобный радикальный замах на пересборку всего требовал бы глубокой проработки теоретической программы. Но АСТ такой проработки не дает. Она скорее намечает собственное специфическое видение вектора развития социальной теории и постулирует необходимость новых методических подходов в работе социолога, не берясь отвечать практически ни на какие вопросы. С самого начала акторно-сетевая теория категорически отрицала претензию на *объяснение* социального мира. Самое большое, говорят авторы, – социальные науки должны только *описывать*, но ничего не *объяснять*, и это то, что противостоит большинству установок социальных наук. Латур пишет: «Если ваше описание нужно *объяснять*, это плохое описание, вот и все» [Латур, 2014: 141].

Сам Латур в работе «Пересборка социального» от имени профессора в диалоге со студентом говорит, что АСТ «ни к чему и не применима». На недоуменный вопрос студента: «Вы считаете, она вообще бесполезна?» – отвечает: «Возможно и полезна, но только если ее ни к чему не “применяют”» [там же: 135].

«Профессор: Лучшее, что она может вам дать, – это сказать что-то вроде: “Когда ваши информанты соединяют в одной фразе организацию, оборудование, психологию и политику, не разбивайте ее сразу на маленькие четкие части; попытайтесь следовать за связью, которая образована между этими элементами, выглядящими с точки зрения любой нормальной методологии совершенно несоизмеримыми”. Вот и все. АСТ не скажет вам ничего позитивного о том, чем является эта связь.

Студент: Почему же она называется “теорией”, если в ней ничего не говорится о том, что мы изучаем?

Профессор: Это теория, и, на мой взгляд, серьезная, но она о том, как изучать вещи, вернее, о том, как их не изучать, или, вернее, как предоставить акторам пространство для самовыражения. ...Вот для чего нужна АСТ» [там же: 136].

**Новые социальные практики взаимоотношения людей и вещей.** Хотя Бруно Латур отрицает практическое применение акторно-сетевой теории и отказывается ей в способности *объяснить* процессы, происходящие в социальном мире, мы полагаем, что при некоторой корректировке АСТ может быть применена к анализу многих современных

социальных практик новой цифровой социальной действительности. Эти практики отражают принципиальное изменение взаимоотношения людей и вещей. Вещи начинают быть активными, они решают все большее количество задач, которые ранее решал человек.

Так, например, алгоритмы искусственного интеллекта в медицинских гаджетах исполняют роль персонального терапевта, дают детальную информацию о давлении, пульсе, содержании сахара в крови. Умные зеркала определяют основные показатели жизнедеятельности с помощью радара, а зубные щетки могут анализировать слюну, фотографировать состояние зубов и отправлять снимки лечащему стоматологу. Холодильники отслеживают и фиксируют информацию о питательной ценности хранящихся в них продуктов, определяют их качество и свежесть, а заодно следят за рационом хозяина. Смартфоны могут оценивать особенности поведения, свидетельствующие о депрессии, – такие как снижение общительности, – и предупреждать пользователя о потенциальных проблемах с психикой<sup>1</sup>.

Отдельной сферой для исследования с применением акторно-сетевой теории может быть *взаимодействие человека и робота*. Роботы-сиделки, помогающие больным, роботы – компаньоны для пожилых людей и няньки – для малышей. Привлекательные силиконовые роботы-куклы, приобретаемые как альтернатива живому партнеру. Помогая преодолевать проблемы одиночества, скуку и стресс, такие «партнеры» создают иллюзию замены человеческого общения. Уже существует разработанный гонконгскими специалистами первый человекоподобный робот «София», которому предоставлено официальное гражданство Саудовской Аравии. Этот робогражданин – кто он? Кем являются активно действующие роботы в перечисленных ситуациях? Они не-люди, которым делегирована роль акторов, оказывающих существенное влияние на людей, взаимодействующих с ними. «Вещи» сами начинают контактировать с нами, поскольку они начинают понимать и оценивать наши потребности и совершать необходимые действия, чтобы их удовлетворить. Скоро «вещи самостоятельно станут общаться между собой через свои «социальные сети», свой «интернет вещей», где они будут обмениваться накопленной информацией. А человеческий мир явится объектом, управляемым комплексами взаимодействующих устройств.

От «интернета вещей» постепенно осуществляется переход к «интернету всего». Этот термин ввели сотрудники компании Cisco Systems, как раз занимающейся объединением двух систем: «интернета вещей» и «интернета людей» и формирования «интернета всего». Цель объединения двух систем (Р. Курцвейл и его сторонники намечают ее достижение к 2045 г.) – технологическая сингулярность – такое состояние техники, когда она перестает быть нашим инструментом, и мы более не можем управлять ею. Она берет управление всем на себя.

Человек в подобных социальных практиках освобождается от функций, а заодно и от навыков, которые имел ранее. Он освобождается от необходимости держать в голове большое количество информации, сопоставлять, запоминать, анализировать, прогнозировать, а иногда и просто думать. Активное внедрение технологий искусственного интеллекта в перспективе делает человека бесполезным и экономически нерентабельным.

Социологи, философы, психологи, нейрофизиологи, изучающие результаты новых практик взаимодействия людей и вещей (которое мы, в отличие от Латура, не трактуем как социальное), отмечают изменения не только мышления и поведения человека, но и фиксируют нейрофизиологические и биохимические изменения головного мозга. Все больше полагаясь на умные вещи, человек теряет навык построения сложных интеллектуальных объектов. Зоны мозга, ответственные за мышление, атрофируются. Исследователи, описывающие симптомы таких явлений, говорят о деформации психики человека и применяют такие понятия, как *информационная интоксикация, сужение сознания, цифровой (или виртуальный) аутизм, интернет-зависимость*.

Интернет-зависимость сейчас введена в качестве официально диагностируемого заболевания в проект новой Международной классификации болезней (МКБ-11). Эта

<sup>1</sup> См.: National Geographic. 2019. No. 1. P. 48.

классификация опубликована ВОЗ в 2018 г. и вступит в силу с 2022 г., до этого времени действует предыдущая версия МКБ-10. Не дожидаясь формального международного утверждения, Китай уже в 2008 г. официально признал интернет-зависимость психическим расстройством.

Другое понятие «цифровой (или виртуальный) аутизм» ввел румынский психолог Мариус Замфир. Его исследование контрольных групп детей, общающихся с гаджетами более 4 часов в день, показали, что такие дети отстают в развитии. Они по всем признакам напоминали аутистов. Замфир заключает, что практически невозможно отличить цифровой аутизм, развившийся вследствие неконтролируемого воздействия на психику ребенка гаджетов, от классического, поскольку симптомы совершенно одинаковы. Это отсутствие или затрещенность социализации, неумение устанавливать зрительный контакт, речевые нарушения, неспособность участвовать в ролевых играх, где ребенок перевоплощается в воображаемого персонажа, а также повторение слов, фраз, действий. Разница между классическим и цифровым аутизмом заключается в том, что в первом случае это следствие биологического неврологического недоразвития, а во втором – дегенерация нейроразвития, вызванная воздействием виртуальной реальности. После этого резонансного исследования М. Замфира цифровой (виртуальный) аутизм как термин и медицинский диагноз вошел в научный оборот.

Специалисты также пишут о *вирусе цифрового слабоумия*, поражающем особенно детей. Дети цифрового поколения все более страдают когнитивными нарушениями, расстройством внимания, снижением памяти, низким уровнем самоконтроля, депрессией. Психологи говорят, что цифровые технологии инфантилизируют мозг. Человек с трудом может концентрировать внимание и долго задерживаться на какой-либо одной мысли. Изменения происходят не в направлении развития творческих способностей, как это предполагалось, а в сторону закрепления примитивных навыков: кликать, ставить галочки, лайкать, нажимать на кнопки.

Мнения экспертов, оценивающих качественные изменения в поведении, физическом и умственном развитии поколения людей, выросшего в условиях, когда компьютер и Интернет стали обыденными атрибутами окружающего мира, приводит немецкий исследователь А. Шпитцер [Шпитцер, 2014]. Это поколение называют сетевым (Net Generation), поколением Google, или обозначают непереводаемым на русский язык понятием Digital Native (человек, родившийся в цифровом веке, «укорененный» в цифровом обществе). Многие эксперты делают выводы о том, что Digital Native не в состоянии запоминать что-либо и проводят значительную долю времени, обмениваясь короткими сообщениями, занимаясь развлечениями, они не могут поддерживать контакты лицом к лицу в реальном мире, не могут глубоко вникать во внутренний мир других людей и в накопленный предыдущими поколениями опыт. Способность к основательным размышлениям у них отсутствует. Они зависимы от мобильных устройств, необходимых им, чтобы вообще хоть как-то функционировать [там же: 182]. Мы наблюдаем взаимосвязанный процесс, когда «вещи» умнеют, а человек глупеет. Это ли не **свидетельства понижения статуса человека** как актора и активного деятеля?

Если мы пока не наблюдаем на практике латуровскую равнозначность агентности человека и технологических объектов, то свидетельствовать о **тенденции повышения статуса и значения вещей** в современном техномире мы уже можем. Латуровские «не-человеки» действуют, активно коммуницируя с людьми, и, возможно, человек в скором времени утратит в своем обозначении Homo Sapiens вторую часть определения.

**Заключение.** Низвержение Человека с пьедестала социального мира и приравнивание его к не-человекам, артефактам, материальным объектам вполне соответствует распространенным современным воззрениям технологических детерминистов. Технологии решают все! Заводы, где роботы выполняют все производственные операции, где роботы уже изготавливают других роботов; разработки в области искусственного интеллекта; беспилотный транспорт; автономное летальное и нелетальное оружие и т.д. – эти

достижения рассматриваются как показатели не только бурного технического и технологического прогресса, но и как показатели *развития* общества. Форсирование внедрения технологий отодвигает на задний план человека и в перспективе делает его бесполезным, а его участие в рабочих процессах экономически нерентабельным. Следовательно, миллионы бесполезных людей – это миллионы безработных. Можно возразить: ведь процесс высвобождения людей – не стихийный, а управляемый, увольняют людей не роботы, а люди. Им выбирать, что приоритетно: человек для технологий или все-таки технологии для человека. Однако это рынок, и стремление к извлечению максимальной прибыли, с одной стороны, и влияние на сознание современных модных теорий – с другой, работают в слаженном тандеме и делают свое дело.

Что же останется на долю ставших никому не нужными бесполезных людей? Об этом размышляет Ю. Харари: «Грядущее технологическое процветание, очевидно, позволит кормить и содержать эти бесполезные массы, не требуя от них ничего взамен. Но чем их занять и как заставить довольствоваться тем, что дают? Люди должны что-то делать, иначе они съезжают с катушек... Один из вариантов – наркотики и компьютерные игры. Ненужные люди могли бы зависать в виртуальной реальности... Некоторые эксперты... считают, что нам не грозит подобная деградация, так как, превзойдя человеческие способности, искусственный интеллект, скорее всего, просто уничтожит все человечество» [Харари, 2015: 614–615].

Ю. Харари продолжает: «Мы стремимся создать Интернет всех Вещей в надежде, что он сделает нас здоровыми, счастливыми и могущественными. Но когда Интернет всех Вещей обретет силу, люди могут превратиться из инженеров в чипы, из чипов в биты и в конце концов растаять в стремнине данных, как ком земли, брошенный в бурную реку... Стоит нам людям утратить нашу функциональную значимость..., как мы тотчас обнаружим, что вовсе не является венцом творения. Созданные нами же критерии спишут нас в вечность следом за мамонтами... И задним числом выяснится, что человечество было просто пенью в бурлящем космическом потоке данных» [там же: 750–751].

Автор упомянул «созданные нами же критерии», которые спишут нас в вечность. Это ли не есть те самые исходные критерии акторно-сетевой теории об устранении оппозиции человек – не-человек, живое – неживое, объект – субъект или идея наделения не-человеков агентностью? Вывод, который мы делаем, следующий: равнозначная агентность людей и нечеловеческих объектов, прокламируемая в акторно-сетевой и других теориях, корреспондирует с постепенно проникающей в умы догмой, утверждающей, что любые организмы можно представить в виде алгоритмов, что сознание человека и весь его жизненный мир не представляют никакой особой ценности, они также не более чем набор алгоритмов, и что жизнь – это обработка данных. И в перспективе лишённые сознания высокоразвитые алгоритмы займут лидирующее место в новом уже не антропоцентричном, а техноцентричном мире.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Астахов С.С. Критическая рецепция акторно-сетевой теории: от макиавеллизма к проблеме Иного // *Философская мысль*. 2016. № 10. С. 1–15. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.10.2056.
- Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: одомашнивание морских гребешков и рыбачков залива Сен-Бриё // *Социология власти*. 2015. Т. 27. № 1. С. 196–231.
- Латур Б. Акторно-сетевая теория: вопрос об отзыве // *Логос*. 2017. Т. 27. № 1. С. 201–216.
- Латур Б. Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- Напреенко И.В. Делегирование агентности в концепции Бруно Латура: как собрать гибридный коллектив киборгов и антропоморфов? // *Социология власти*. 2015. Т. 27. № 1. С. 108–120.
- Харари Ю.Н. *Номо Деус*. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2015.
- Шпитцер М. *Антимозг: цифровые технологии и мозг*. М.: АСТ, 2014.
- Sismondo S. *An Introduction to Science and Technology Studies*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2004.

## ACTOR-NETWORK THEORY AND SOCIAL PRACTICE

ORLOVA I.B.

*Lomonosov Moscow State University, Russia*

---

*Irina B. ORLOVA, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department, Higher School of Modern Social Sciences (faculty), Lomonosov State University, Moscow, Russia (irorlova@mail.ru).*

---

**Abstract.** The article deals with some aspects of the actor-network theory (ANT) focusing on “reassembling the social”. Sociality “reassembles” as a result of the interaction of human and “non-human”, things, material objects and technologies interpreted as actors. The author analyzes the elimination of the “human – non-human”, “living – non-living” oppositions, which is a distinctive feature of a new ANT methodology of social research. The article considers the turn to the material or “Latour revolution” as the transformation of the ontological concept of the social world and the status of a person in it. An individual is equated to “non-humans”, artifacts and technological inventions. The theoretical points of the actor-network theory are transferred to the actual practice of the modern digital reality where technology is overemphasized and interpersonal relations appear to undergo drastic transformation. Things, material objects tend to replace human beings. They start dealing with an increasing number of problems that used to be tackled by people. Consequently, the active implementation of technologies is to make a person useless and economically unprofitable. Special consideration is given to some of the consequences generated by the emerging trend implying changing attitudes to the social world: transition from anthropocentrism to technocentrism.

**Keywords:** actor-network theory, reassembling the social, elimination of the oppositions “humans – non-humans”, technocentrism, social practice.

## REFERENCES

- Astakhov S.S. (2016) Critical reception of the actor-network theory: from Machiavellianism to the problem of the Other. *Filosofskaya myisl'* [Philosophical Thought]. No. 10: 1–15. (In Russ.) DOI: 10.7256/2409-8728.2016.10.2056.
- Harari Y.N. (2015) *Homo Deus. A Brief History of Tomorrow*. Moscow: Sindbad. (In Russ.)
- Callon M. (2015) Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 27. No. 1: 196–231. (In Russ.)
- Latour B. (2014) *Reassembling the Social: an Introduction to Actor-Network-Theory*. Transl. by Polonskaya I.; ed. by Gavrilenko S. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Latour B. (2017) On Recalling ANT. *Logos*. Vol. 27. No. 1: 201–216. (In Russ.)
- Napreenko I.V. (2015) Delegation of Agency in the Concept of Bruno Latour: How to Build up a Heterogeneous Collective of Cyborgs and Anthropomorphs? *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 27. No. 1: 108–120. (In Russ.)
- Sismondo S. (2004) *Introduction to Science and Technology Studies*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd.
- Spitzer M. (2014) *Anti-Brain: Digital Technologies and Brain*. Moscow: AST. (In Russ.)

Received: 11.02.20. Accepted: 21.05.20.